

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Афинянин. Все это так. Но что же послужило началом ⁶⁷⁶ государственного устройства, по нашему мнению? Не будет ли всего легче и лучше рассмотреть этот вопрос с такой точки зрения—

Клиний. С какой?

Афинянин. С той же, с какой должно в каждом отдельном случае рассматривать постепенное уклонение государств то в сторону добродетели, то в сторону порока.

Клиний. С какой же именно?

Афинянин. Я разумею безграничную протяженность времени и протекших в нем перемен.

Клиний. То-есть, как?

Афинянин. Скажи, сколько времени прошло с тех пор, как существуют государства, и люди стали жить в условиях определенного государственного строя? Сможешь ли ты определить продолжительность этого времени?

Клиний. Это, во всяком случае, трудно.

Афинянин. Не была ли эта продолжительность неизмеримою и неизяснимою?

Клиний. И притом в высшей степени.

Афинянин. Не правда ли, тысячи государств за государствами возникали в этот промежуток времени, да и не меньшее количество их погибало, если принять в расчет продолжительность времени. К тому же они нередко повсюду проходили с через всякие формы государственного устройства. И они становились то большими из меньших, то меньшими из больших, то худшими из лучших, то лучшими из худших.

Клиний. Это неизбежно.

Афинянин. Не сможем ли мы вскрыть причину этих перемен? Быть может, тогда мы скорее получим указание относительно возникновения и развития государственного устройства.

Клиний. Отлично, надо постараться сделать это. Ты выясни свои соображения по этому поводу, а мы последуем за тобою.

677 Афинянин. Считаем ли мы, что древние сказания содержат в известной мере истину?

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Относительно частой гибели людей от потопов, болезней и многого другого, так что осталась лишь незначительная часть человеческого рода.

Клиний. Все это кажется очень вероятным всякому.

Афинянин. Представим же себе один из множества случаев, именно: гибель от потопа.

Клиний. Что именно мы должны иметь в виду?

в Афинянин. Что избежавшими тогда гибели оказались чуть ли ни исключительно горные пастухи—слабые искры человеческого рода, спасшиеся на вершинах.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Люди подобного рода неизбежно будут несведущими в остальных искусствах, так же, как и в городских хитростях друг против друга, возникающих из-за своекорыстия и честолюбия, и в прочих кознях, взаимно измышляемых людьми.

Клиний. Это естественно.

с Афинянин. Допустим, что государства, расположенные на равнинах или у моря, совершенно погибли в то время.

Клиний. Допустим.

Афинянин. Следовательно, мы должны предположить, что в то время пропали и все орудия, так же как погибло и все относящееся к искусству государственного правления или к иной какой мудрости, если только после долгих усилий удалось перед тем достичь этого. Ибо, дорогой друг, как можно было открыть хоть что-нибудь новое, если бы все это пребывало в течение всего времени упорядоченным именно так, как теперь?

Клиний. Это было скрыто от тогдашних людей в течение тысяч тысячелетий. И лишь тысяча или две тысячи лет прошло с тех пор, как Дедалу стало ясно одно, Орфею—другое, Паламеду—третье, Марсию и Олимпу все то, что относится к музыкальному искусству, Амфиону—к лире, очень многое другое—другим⁴⁴. Все это возникло, так сказать, недавно, чуть что ни вчера.

Афинянин. Но лучше всего, Клиний, что ты пропустил друга, жившего действительно вчера.

Клиний. Ты разумеешь Эпименида?

Афинянин. Да, его. Ибо у вас он опередил всех в изобретательности, друг мой; он исполнил на деле то, о чем на словах вещал некогда Гесиод⁴⁵, как утверждаете вы.

Клиний. Да, мы утверждаем это.

2

Афинянин. Итак, скажем мы, в то время, когда случилась катастрофа, обстоятельства жизни людей складывались так: кругом необозримая страшная пустыня, чрезвычайное изобилие земли; вследствие гибели остальных животных, лишь кое-какие стада рогатого скота и племя коз уцелели где-нибудь случайно. Эти стада и доставляли в начале пастухам скудные средства к жизни.

Клиний. Да.

678

Афинянин. Можем ли мы считать, что тогда сохранилось хотя бы, так сказать, воспоминание о государстве, государственном устройстве и законодательстве, о чем у нас теперь идет речь?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Однако, подобного рода условия повели к возникновению нашего нынешнего состояния: государств, государственных устройств, искусств, законов; возникла великая испорченность, возникла и великая добродетель.

Клиний. То-есть как?

Афинянин. Друг мой, ведь тогдашние люди были незнакомы со многими благами, доставляемыми городами, а также

и со многим таким, что этим благам противоположно. Можно ли считать этих людей совершенными в добродетели или в пороке?

Клиний. Прекрасно сказано! Мы улавливаем твою мысль.

Афинянин. Итак, с течением времени и с умножением человеческого рода все пришло в нынешнее состояние.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Но не сразу, а, как это и естественно, мало-помалу, в течение очень долгого времени.

С Клиний. Так это всего больше подходит.

Афинянин. Думаю, что слишком еще звучал в ушах недавний страх, чтобы люди решились спуститься с возвышенности на равнину.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Ввиду своей малочисленности, люди с удовольствием взирали друг на друга в те времена, с исчезновением же искусств уничтожились, так сказать, чуть ли ни все средства сношения друг с другом по суше или по морю. Так что, D думаю, людям не очень-то возможно было встречаться друг с другом. Железо, медь и все руды слились вместе и стали скрытыми, так что было очень затруднительно их извлекать. Поэтому редко удавалось тогдашним людям срубить дерево. Если где на горах и находили уцелевшее орудие, оно, в виду частого употребления, скоро изнашивалось, нового же взять было негде, пока снова не возродилось среди людей металлургическое искусство.

Клиний. Каким же образом это произошло?

Афинянин. Как ты думаешь, через сколько поколений это могло произойти?

Е Клиний. Очевидно, поколений прошло очень много.

Афинянин. Значит, столько же времени не существовали тогда, или даже долее, и те искусства, для которых нужно железо, медь и тому подобное.

Клиний. Так что же?

Афинянин. И вот, в те времена совершенно исчезли во многих местах междоусобия и войны.

Клиний. Каким образом?

Афинянин. Прежде всего, тогдашние люди любили друг друга и, вследствие изолированности, относились друг к другу

доброжелательно; затем и пищу им не приходилось оспаривать друг у друга, ибо не было недостатка в пастбищах—разве что 679 у кое-кого в начале—а этим-то они в то время и жили по большей части. Никоим образом у них не могло быть недостатка в молоке и мясе; кроме того, охотой добывали они себе изрядную пищу. В изобилии имели они одежду, подстилку, жилища и утварь, как огнеупорную, так и простую. Ибо ни одно из искусств, касающихся лепки и плетения, не нуждается в железе. Оба эти искусства бог даровал людям, чтобы в человеческий род—когда ощутит подобного рода нужду—мог возрасти и увеличиваться. Благодаря этому не было и особенно бедных, так что бедность не вынуждала людей становиться в враждебные отношения друг к другу. С другой стороны, они не могли делаться и богатыми: ведь в те времена среди них не было ни золота, ни серебра. Наиблагороднейшие же нравы, пожалуй, возникнут в таком общежитии, где не обитают рядом богатство и бедность. Ведь там не будет места ни наглости, ни несправедливости, ни ревности, ни зависти. По 8 этой причине люди были добродетельными, а также и вследствие так называемого благонравия: будучи благонравными ⁴⁶, они считали истинным и повиновались тому, что слышали о прекрасном и безобразном. Ибо лжи никто из них не подозревал, основываясь, как это бывает в наши дни, на собственной мудрости; они считали истиною рассказываемое о богах и людях и сообразно этому жили. Поэтому-то они и были вполне такими, как мы их только что изобразили.

Клиний. Я согласен с тобою, да и Мегилл тоже. D

3

Афинянин. Итак, мы признаём, что много поколений прожило подобным образом. По сравнению с людьми, жившими до потопа, и нынешними, они были менее сведущи и менее искусны в различных искусствах, в том числе и в военном деле, которое применяют теперь и на суше, и на море или даже внутри своего государства, употребляя обозначения „правосудие“ или „междоусобие“, при чем и словами и делами изобретают всякие средства, лишь бы причинить друг другу зло и E

несправедливость. А те люди были более благонравны, мужественны, а вместе с тем более здравомыслящи и вообще более справедливы. Причину этого мы уже разобрали.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Пусть все нами сказанное, с вытекающими отсюда следствиями, будет иметь в виду одну цель: мы должны
680 обратить внимание на то, какова была нужда в законах у тогдашних людей, и кто был их законодателем.

Клиний. Отлично сказано.

Афинянин. Не правда ли, те люди не нуждались в законодателях; да этого обыкновенно и не бывает в такие эпохи: ведь тогда у них еще не было письменности, но жили они, следуя обычаям и так называемым отеческим законам.

Клиний. Вполне естественно.

Афинянин. Однако, и это есть уже некий вид государственного устройства.

Клиний. Какой же?

В Афинянин. Мне кажется, все называют тогдашнее государственное устройство династией⁴⁷. Оно и до сих пор встречается во многих местах, как среди эллинов, так и у варваров. Гомер рассказывает, что именно так было в месте пребывания киклопов, говоря:

„Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов; В темных пещерах они или на горных вершинах высоких Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
с Властвует, зная себя одного, о других не заботясь“.

[Од. IX, 112 сл.].

Клиний. Прелестный, повидимому, это у вас поэт; кое-какие и другие отрывки, очень изящные, проходили мы из него, правда немногочисленные, потому что мы, критяне, не очень-то пользуемся иностранными произведениями.

Мегилл. А мы пользуемся им, и нам кажется, Гомер превосходит других поэтов подобного рода, хотя он повсюду
D описывает не лаконский, а скорее какой-то ионийский быт— Гомер прекрасно подтвердил сейчас твои слова, изображая, согласно преданию, первоначальный быт киклопов диким.

Афинянин. Да, он это подтверждает; и мы можем взять его в свидетели, что такие государственные устройства некогда существовали.

Клиний. Отлично.

Афинянин. Вследствие затруднительного положения, создавшегося при катастрофе, люди разделились по родам, с определенным местопребыванием для каждого, причем господствовал старейший, так как он получил эту власть от отца и матери; за ним следовали остальные, составляя, точно птицы, одну стаю. Домовладыка правил, и они находились под наиболее справедливой из всех царской властью.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Затем в сообщество с ними вступает все большее и большее количество людей, составляя большие государственные образования. Прежде всего они обращаются к земледелию на склонах гор, сооружая ограды из терновника, точно стены, в защиту от зверей, и образуя одно, обширное и общее, жилище. 681

Клиний. Очень вероятно, что все это было именно так.

Афинянин. А вот это разве не будет также вероятным?

Клиний. Что именно?

Афинянин. Что эти большие жилища увеличивались за счет меньших и начальных. Люди, принадлежавшие к каждому из меньших, прибывали организованными по родам, во главе со старейшим, с своими собственными обычаями, возникшими под влиянием раздельного жительствова. Благодаря различным родоначальникам и воспитателям, они приучались к различным воззрениям на богов и на самих себя. От умеренных они перенимали более умеренное, от мужественных—более мужественное, и точно таким же образом запечатлевали они в своих детях и внуках усвоенные ими взгляды. Словом, они вошли в большее сообщество, имея каждый свои собственные законы.

Клиний. Не иначе.

Афинянин. Неизбежно каждому нравились более свои собственные законы, а чужие—менее.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Так-то мы незаметно подошли, повидимому, и к началу законодательства.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Вслед за этим, сошедшиеся неизбежно должны были сообща избрать некоторых лиц из своей среды, чтобы те рассмотрели все узаконения, выбрали из них, которые им наиболее понравились, и, ясно их изложив, представили на выбор в общий совет предводителей и вожakov народов, игравших роль царей. Сами они получили бы название законодателей, учредили бы правительственные должности, а государственный строй изменили бы, введя, вместо династий, какой-либо аристократический образ правления, или даже нечто в роде царской власти.

Клиний. Это было бы последовательно.

Афинянин. Я хочу указать теперь еще и на третью форму государственного устройства, в которой выступают все виды и состояния государственных устройств и, вместе с тем, государств.

Клиний. Какая это форма?

Афинянин. Та, на которую, вслед за второй, указывает и Гомер, так описывая ее возникновение: „Он основал ⁴⁸ Дарданию“, — говорит Гомер где-то, — „когда Илион знаменитый

В поле еще не стоял, ясноречивых народов обитель,
Жили еще на погорях Иды, водами обильной“.

[Ил. XX, 216 сл.].

Эти стихи, так же как и те, где говорится о киклопах, он ⁶⁸² изрек согласно богу и природе. Ибо поэтическое искусство божественно и вдохновенно; нередко, под воздействием Харит и Муз, оно касается и истинных событий.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Проследим же далее это, встретившееся нам, предание; быть может, оно даст некоторые указания и для нашей цели. Не правда ли, это стоит сделать.

Клиний. Даже очень.

Афинянин. Так вот, говорим мы, обитателями возвышенностей был основан Илион среди обширной прекрасной равнины, на невысоком холме, омываемом многими реками, стекающими с высот Иды.

Клиний. Говорят, что так.

Афинянин. Не правда ли, можно предполагать, что это произошло спустя много времени после потопа?

Клиний. Конечно, спустя много времени.

Афинянин. Потому что люди должны были совершенно забыть о только что упомянутой катастрофе, если, доверившись каким-то не очень высоким холмам, решились основать город, С несмотря на угрозу многих стекающих с высот рек.

Клиний. Ясно, что в этом случае должен был пройти большой промежуток времени после катастрофы.

Афинянин. Я думаю, тогда было заселено уже много других государств, в виду увеличения числа людей.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Они-то и выступили в поход против Илиона, возможно, даже и по морю, так как все уже безбоязненно пользовались морем.

Клиний. Повидимому. D

Афинянин. Ахейцы же, после десятилетнего пребывания, разрушили Троию.

Клиний. Конечно.

Афинянин. В течение этого десятилетнего промежутка, когда шла осада Илиона, на родине каждого из осаждающих случилось не мало бед, вследствие раздоров младшего поколения. Возвращавшихся в свои государства и дома воинов младшее поколение приняло неблагосклонно и не по справедливому, так что произошло не мало смертей, убийств и изгнаний. Но тогдашние изгнанники снова возвратились, переменяв свое название: вместо ахейцев они стали называться дорийцами, так как тогдашних изгнанников собрал Дорией⁴⁹. Вы, лакедемоняне, основываясь на этом, выводите все ваши предания и этим заключаете их. E

Мегилл. Да.

5

Афинянин. Точно по внушению бога, мы возвращаемся опять к тому же, с чего начали наше собеседование о законах, хотя и отклонились в сторону, обсуждая вопросы о мусическом искусстве и об опьянении. Теперь наше рассуждение дает

нам случай снова ухватиться за нашу тему. Ибо мы пришли
 683 опять к лакедемонским учреждениям, правильность которых вы
 утверждаете, и критским, родственным с ними в смысле за-
 конов. Уклонение в ходе нашего рассуждения, когда мы рас-
 сматривали некоторые государственные устройства и учрежде-
 ния, дало нам такое преимущество: мы видели последовательно
 три государства, учреждения которых отстояли друг от друга,
 по нашему мнению, на огромный промежуток времени. Данное же
 государство, или, если угодно, племя представляется нам уже
 четвертым, некогда учрежденным и сохраняющим и поныне
 в свои учреждения. Не сможем ли мы, Мегилл и Клиний, из всего
 этого вывести, что учреждено хорошо, а что нет; какими зако-
 нами сохраняется сохраняемое и уничтожается уничтожаемое, и
 какие следует произвести изменения для блага государства?
 Об этом нам снова нужно говорить как бы сначала, если только
 у нас нет возражений против предшествующих рассуждений.

с Мегилл. Если бы, чужестранец, некий бог обещал нам,
 что при нашей вторичной попытке рассмотрения законодатель-
 ства придется нам услышать рассуждения не хуже и не слабее
 только что высказанных, то я, по крайней мере, пустился бы и
 в дальний путь, и этот нынешний день показался бы мне ко-
 ротким, хотя теперь как раз стоит та пора, когда бог поворачи-
 вает от лета к зиме.

Афинянин. Так что, повидимому, надо рассмотреть и этот
 вопрос.

Мегилл. Без сомнения.

д Афинянин. Перенесем же мысленно в те времена,
 когда Лакедемон, Аргос, Мессена и прилегающие области очу-
 тились во власти ваших, Мегилл, предков; они решили после
 этого, как говорит предание, разделить вооруженный народ на
 три части и учредить три государства: Аргос, Мессену и Ла-
 кедемон.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Темен стал царем Аргоса, Кресфонт—Мессены,
 царями же в Лакедедоне—Прокл и Еврисфен.

Мегилл. Да, так.

е Афинянин. И все их современники поклялись оказывать
 им помощь, если кто захочет упразднить их царскую власть.

Мегилл. Да.

Афинянин. Царская же, клянусь Зевсом, и вообще всякая власть разрушается разве кем-нибудь, как не самими ее носителями? Или мы уже позабыли теперь то положение, которое мы немного ранее установили попутно в наших рассуждениях?

Мегилл. То-есть как?

Афинянин. Теперь мы еще с большей определенностью будем настаивать на этом положении. Встретившиеся нам факты, повидимому, привели нас к такому же точно заключению, так что мы будем исследовать не какие-нибудь пустяки, ⁶⁸⁴ но действительно бывшее и содержащее истину. Факты эти следующие: в трех государствах установилась царская власть; каждые два государства клятвенно обещали третьему соблюдать установленные общие законы относительно управления и подчинения; одною стороною было обещано не усиливать власти с течением времени и в зависимости от умножения рода; другою стороною, если указанные условия будут соблюдены правителями, было обещано и самим не низвергать никогда царской власти, и другим не способствовать в их попытках подобного рода. Цари обещались помогать царям и народам, терпящим обиды, а народы— народам и царям, терпящим обиды. Не так ли? ^{в.}

Мегилл. Конечно, так.

Афинянин. Цари ли дали такие законы или кто другой,— но это было величайшим установлением для сохранения государственного строя этих трех государств.

Мегилл. Какое именно?

Афинянин. То, что два государства всегда помогали друг другу против третьего, в случае его неповиновения установленным законам.

Мегилл. Очевидно.

Афинянин. Однако, большинство требует от законодательей, чтобы они устанавливали такие законы, которые были бы добровольно приняты широкими народными толпами. Это в роде того, как если бы требовали от учителей гимнастики и врачей только приятного упражнения и врачевания поручаемого их попечению тела. ^с

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Но нередко приходится довольствоваться и тем, что без особой боли телу возвращают здоровье и делают его совершенным.

Мегилл. Так что же?

Д Афинянин. Вот еще какое обстоятельство значительно облегчило тогдашним людям установление законов—

Мегилл. Какое?

6

Афинянин. Эти законодатели, устраивая для людей имущественное равенство, не имели дела с величайшим препятствием, которое встречается во многих других, получающих законы, государствах. Ведь здесь, принимая во внимание, что невозможно в достаточной степени установить равенство без передела земли и отмены долговых обязательств, законодателю приходится попытаться поколебать что-либо из этого, и тогда все восстают против, утверждая, что нельзя колебать непоколебимого ⁵⁰, проклинают того, кто предлагает передел земли и отмену долгов, так что положение такого человека крайне затруднительно. У дорийцев же дело обстоит прекрасно и безупречно: земля поделена без недоразумений и нет больших давних долгов.

Мегилл. Правда.

Афинянин. Почему же, друзья мои, эти установления и это законодательство имели у них такой дурной исход?

885 Мегилл. Как? Что именно ты порицаешь?

Афинянин. То, что из образованных трех больших общезжитий два вскоре извратили свой государственный строй и свои законы, и только третье сохранило их, именно ваше государство.

Мегилл. Ты задал нелегкий вопрос.

Афинянин. Однако, нам теперь надо рассмотреть и исследовать его, чтобы беспечально пройти весь путь, забавляясь разумною старческою забавой, касающейся законов, как мы и решили при начале пути.

Мегилл. Так что же? Сделаем, как ты говоришь.

Афинянин. К какому же рассмотрению законов и лиц, их упорядочивших, могли бы мы обратиться скорее, как не к этому? И какие более славные и великие государства и установления могли бы мы исследовать?

Мегилл. Нелегко найти другие взамен этих.

Афинянин. Почти очевидно, что тогдашние законодатели считали такое устройство, при котором взаимно оказывается помощь, пригодным не только для Пелопоннеса, но и для всех эллинов, в случае, если кто из варваров станет их притеснять, как, например, жившие тогда вокруг Илиона, доверившись ассирийскому могуществу, значительному во времена Нина, неосмотрительно вызвали Троянскую войну, ибо еще значительным был тогда уцелевший облик этой державы. Подобно тому, как мы теперь опасаемся великого царя, так тогдашние люди боялись образования этого союза. Вторичное же взятие Трои⁵¹ было для них не малым поводом для жалоб, ибо она составляла часть их державы. По отношению ко всему этому прекрасно, повидимому, было измыслено и упорядочено единое устройство того войска, под властью царей-братьев, сыновей Геракла, которое разделено было на три государства. Это гораздо лучше, чем устройство ополчения, пришедшего под Трою. Во-первых, они считали правителей Гераклидов лучшими, нежели правителей Пелопидов; затем и войско это они считали превосходящим, в смысле добродетели, пришедших под Трою, ибо ахейцы, победив троянцев, в свою очередь, были превзойдены дорийцами. Не правда ли, все было устроено тогдашними законодателями именно так и с этой целью?

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Итак, естественно было им считать, что такое положение сохранится неизменным и останется на долгое время, так как они взаимно поделили не мало трудов и опасностей, находились под властью единого рода царей-братьев, к тому же спросили много разных прорицателей, в том числе и Дельфийского Аполлона.

Мегилл. Конечно, это было естественно.

Афинянин. Но все это ожидаемое величие, повидимому, быстро тогда разлетелось, за исключением, как мы теперь указали, небольшой части в вашей области, которая никогда не

прекращает войны против тех двух частей, даже до наших дней. Между тем, возникший тогда, единый и согласованный, образ мыслей создал бы мощь, непобедимую на войне.

Мегилл. Не иначе.

7

Афинянин. Как же и каким образом все это погибло? Разве не достоин рассмотрения вопрос о том, какая судьба погубила подобного рода великое соединение?

Мегилл. Если пренебречь этим, то, рассматривая что-либо с другое, с трудом можно было бы усмотреть, как законы и государственный строй сохраняют величие прекрасных деяний или, наоборот, совершенно его губят.

Афинянин. Следовательно, мы, повидимому, счастливо напали на предмет, достойный рассмотрения.

Мегилл. Даже очень.

Афинянин. Не правда ли, дорогой мой, видя возникновение чего-либо прекрасного, и создание чего-либо удивительного, все люди так же, как и мы сейчас, забывают о том, хорошо ли умеет кто-либо так или иначе этим пользоваться? Вот и мы теперь, пожалуй, рассуждали об этом неправильно и несообразно с природой, так же как и все, при таком подходе к делу, относительно любых вопросов.

Мегилл. Скажи, в чем дело? И к чему относится это твое замечание?

Афинянин. Друг мой, сейчас я сам себе смешон. Когда я обратил внимание на то войско, о котором у нас идет речь, оно показалось мне превосходным и чудесным эллинским достоянием, если бы, повторяю, им тогда умело воспользовались.

Мегилл. Но ведь ты хорошо и разумно высказывал все, и мы это хвалили.

Афинянин. Может быть. Я, по крайней мере, думаю, что при виде чего-либо великого, имеющего большое значение и мощь, у всякого тотчас же создается впечатление, будто его обладатель умеет пользоваться этою силою и, совершая много чудесных дел, благоденствует.

Мегилл. Разве это не верно? Каков же твой взгляд?

Афинянин. Посмотри, на что обращает внимание тот, кто правильно высказывает похвалу такого рода. Но, прежде всего, поговорим о том, о чем у нас шла теперь речь: если бы тогдашние устроители сумели надлежащим образом поставить войско, то как же они упустили удобный случай пользоваться им? Ведь они сохранили бы его на вечные времена, если бы непоколебимо установили войско так, чтобы самим быть свободными, властвовать над кем угодно и вообще среди всех людей, эллинов и варваров, совершать то, что было бы предметом вождения и для них самих и для их потомков? Разве это не заслужило бы им похвалы?

Мегилл. Даже очень.

Афинянин. Так же точно, при виде большого богатства, особого почета знати и тому подобного, всякий обратит внимание на это и скажет то же самое, т. е., что посредством этого можно достичь исполнения всех или, по крайней мере, большинства достойных упоминания желаний.

Мегилл. Естественно.

Афинянин. Скажи, нет ли у всех людей одного общего желания, выяснению которого и стремится способствовать это наше обсуждение?

Мегилл. Какое это желание?

Афинянин. Чтобы происходящее—лучше всего, чтобы всё вообще, если уж нельзя, то чтобы хоть человеческое—происходило согласно душевным желаниям каждого.

Мегилл. Так что же?

Афинянин. Так как мы всегда желаем этого, будучи и детьми, и взрослыми, и стариками, то, не правда ли, мы, неизбежно, в конце концов, и молимся об этом же?

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Для дорогих нам людей мы в наших молитвах просим того же, чего они просят сами себе.

Мегилл. Да.

Афинянин. Сын — дорог отцу: он — ребенок, а тот — взрослый.

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Однако, из того, о чем молит для себя ребенок, многое вовсе не желал бы видеть осуществленным отец и об этом-то и молится богам.

Мегилл. Ты говоришь о молитвах неразумного еще юноши.

Афинянин. Когда отец, будучи стариком или еще очень молодым, не имея понятия о том, что прекрасно и что справедливо, усердно молится, а сам находится в состоянии, подобном состоянию Фесея по отношению к несчастно погибшему Ипполиту, как ты думаешь, станет ли сын, зная это, молиться заодно с отцом?

Мегилл. Я понимаю, о чем ты говоришь. Мне кажется, ты утверждаешь, что должно желать и молиться не о том, чтобы все следовало нашей воле, но, скорее, чтобы воля следовала за разумностью, так что и государству и каждому из нас должно молиться и стараться, чтобы обладать разумом.

8

688 Афинянин. Да, я помню и хочу вам напомнить, что такой государственный человек, как законодатель, должен устанавливать свой распорядок законов, имея в виду всегда именно это. Вспомним, о чем мы говорили в начале: вашим требованием было, чтобы хороший законодатель устанавливал все свои узаконения ради войны. По моему, это значило бы устанавливать законы только ради одной добродетели, между тем как
В их четыре. Должно иметь в виду всю совокупность добродетели, в особенности же первую добродетель, руководящую из всех добродетелей, именно разумность, разум и представление вместе с любовью и желанием, которые за ними следуют. Так что наше рассуждение снова вернулось к тому же, и я снова повторяю теперь то, что высказал тогда—в шутку или серьезно, как хотите. Я утверждаю, что для того, кто не обладает разумом, опасно пользоваться молитвами; пусть лучше совершится
С противоположное его желаниям. Однако, если угодно, примите мои слова в серьез. Я ожидаю, что вы, следуя за рассуждением, изложенным несколько выше, найдете теперь, что причиной гибели царей и всего их замысла является не трусость и не отсутствие военных знаний у правителей и тех, кому надле-

жало быть подчиненными, но всяческая их негодность в других отношениях, в особенности же неведение величайших человеческих дел. Что это тогда произошло именно так, да и теперь кое-где случается, и в последующее время будет происходить не иначе,—я, если хотите, попробую развить, следуя далее за нашим рассуждением, и, по мере сил, попытаюсь раз'яснить вам, как моим друзьям.

Клиний. Чужестранец, было бы в высшей степени неуместно воздавать тебе хвалу словами; мы осуществляем это на деле, усердно следуя за твоими рассуждениями. Ведь именно таким образом свободорожденный человек всего более обнаруживает свое одобрение или порицание.

Мегилл. Превосходно, Клиний. Мы поступим так, как ты говоришь.

Клиний. Это будет так, если угодно богу, только бы ты продолжал.

9

Афинянин. Итак, следуя дальнейшему ходу нашего рассуждения, мы теперь утверждаем, что ту власть погубило тогда величайшее неведение, так же, как оно по своей природе, совершает это и посейчас. При таком положении дела, законодателю надо постараться, сколь возможно, внедрить в государстве разумность, неразумие же как можно скорее из'ять.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Какое же неведение может быть названо, по справедливости, величайшим? Посмотрите, согласны ли вы с тем, что я говорю. Я полагаю, что следующее—

Клиний. Какое?

Афинянин. Когда кто-нибудь не любит, не ненавидит того, что ему представляется прекрасным и хорошим, представляющееся же скверным, несправедливым любит и приветствует. Эту несогласованность скорби и наслаждения с разумным представлением я считаю крайним неведением, да и величайшим, так как оно принадлежит большей части души. Та же часть души, которая испытывает скорбь и наслаждение, это—все равно, что народная толпа в государстве. Когда душа противится зна-

ниям, представлениям или разуму, от природы предназначенным править, это я признаю неразумием, так же как и в государстве, когда большинство не повинуется правителям и законам. То же самое и в каждом отдельном человеке, если имеющиеся в душе прекрасные принципы порождают только то, что им вполне противоречит. Это все я счел бы за самое ошибочное неведение и в государстве и у каждого отдельного гражданина, за исключением ремесленников. Однако, чужестранцы, улавливаете ли вы смысл моих слов?

Клиний. Мы понимаем, друг мой, и согласны с твоими словами.

Афинянин. Так пусть же это постановление именно так и будет высказано, т. е. невежественным гражданам нельзя поручать ничего, относящегося к власти; их должно поносить, как невежд, даже если они и очень искусны в словах и наупражнялись во всяких тонкостях и душевных изворотах. Тех же, кто им противоположен, должно называть мудрыми, хотя бы они даже не знали, по пословице, ни аза⁵²; им, как разумным, должно поручать управление. В самом деле, друзья мои, без согласованности, как может возникнуть хотя бы малейший вид разумности? Это невозможно. Всего справедливее было бы назвать прекраснейшую и величайшую согласованность величайшей мудростью. Ей причастен тот, кто живет сообразно с разумом; кто ее лишен, тот является разрушителем своего дома и никоим образом не приносит спасения государству, но всегда действует здесь как невежда. Итак, пусть это, как мы только что сказали, считается установленным.

Клиний. Пусть будет так.

10

Афинянин. Необходимо, чтобы в государствах были правители и подчиненные.

Клиний. Да.

690 Афинянин. Прекрасно. Но на каком основании одни должны править, другие подчиняться в больших и малых государствах так же, как и в семьях? Одним из таких оснований является отцовство и материнство, да и вообще правильно

повсюду принимается за основание родительская власть над потомством.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Вслед за тем благородные должны править неблагородными; в-третьих, в связи с этим, старшие должны править, младшие подчиняться.

Клиний. Да.

Афинянин. В-четвертых, рабы должны подчиняться, а в господа править.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. В-пятых, я думаю, сильный должен править, а слабый подчиняться.

Клиний. Ты указал на неизбежный вид власти.

Афинянин. К тому же это самая распространенная и сообразная с природой власть для всех живых существ, как некогда сказал фиванец Пиндар. Но величайшим основанием является, повидимому, шестое, требующее, чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью. Впрочем, мудрейший Пиндар, — по моему личному мнению, — это, пожалуй, и не противоречит природе; я бы сказал, что, по природе, власть закона распространяется не насилем, но добровольным подчинением⁵³.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Седьмой вид власти можно назвать счастливым и боголюбезным. Мы установим его в зависимости от жребия: вынувший жребий должен править, не вынувший отойти и подчиняться. Мы признаём это в высшей степени справедливым.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Так видишь ли, законодатель, шутя сказали бы мы, тому, кто с легким сердцем приступает к установлению законов: сколько есть обоснований власти, по своей природе противоречивых. Ныне мы открыли некий источник раздоров, о котором ты должен позаботиться. Прежде всего рассмотри вместе с нами, в чем и как погрешил и против этого цари Аргосской и Мессенской области, погубив, таким образом, и самих себя, и удивительную в ту пору мощь эллинов. Ведь они знали в высшей степени верное изречение Гесиода, что часто поло-

вина больше целого ⁵⁴; так, когда захватить целое опасно, а половина является соразмерной, то, думал он, соразмерное больше чрезмерного, так как оно лучше его.

Клиний. Совершенно правильно.

Афинянин. Что же, по нашему мнению, причина гибели в каждом отдельном случае коренилась прежде всего в царях или же в народе?

691 Клиний. Вероятнее то, что бывает чаще: это болезнь царей, живущих заносчиво из-за роскоши.

Афинянин. Итак, очевидно, что прежде всего это постигло тогда царей. Они желали стоять выше установленных законов и не были согласны друг с другом в том, в чем поклялись и что на словах одобряли. Разногласие же, как мы утверждаем, является величайшим неведением, хотя и кажется мудростью. Оно-то и погубило все из-за небрежности и горького незнания Муз.

Клиний. Повидимому.

в Афинянин. Отлично. Как же мог бы тогдашний законодатель уберечься от возникновения всего этого? Клянусь богами, теперь-то немудрено знать и высказывать это нетрудно; но кто тогда предвидел это, тот был мудрее нас.

Мегилл. Что ты разумеешь?

Афинянин. Теперь можно понять это, если обратить внимание на происшедшее у вас, Мегилл, и нетрудно сказать, что тогда должно было случиться.

Мегилл. Скажи яснее.

Афинянин. Всего яснее будет, пожалуй, вот как—

Мегилл. Как?

с Афинянин. Если, забыв меру, слишком малому придают большое значение: судам — паруса, телам — пищу, а душам — власть, все идет вверх дном; обнаглев, все впадают частью в болезни, частью в несправедливость, это порождение наглости. Но к чему мы клоним речь? Вот к чему: смертная душа, друзья мои, по своей природе, не может, будучи молодой и

безответственной, вынести величайшей среди людей власти; мысли ее преисполняются величайшею болезнью, именно неразумием, так что она начинает ненавидеть ближайших друзей, а это скоро ее губит и уничтожает всю ее мощь. Только великие законодатели, познав соразмерность, могут этого остережся. Теперь очень легко догадаться, что именно тогда случилось. Повидимому, вот что—

Клиний. Что?

Афинянин. Некий бог, провидящий будущее, заботился о вас. Он сделал более умеренной царскую власть, установив, вместо одного, двойной царский род. Затем некто, человек по природе, соединившись с какою-то божественной силой, увидел, что ваша власть все еще находится в горячке, и соединил вместе здравомыслящую мощь, свойственную старости, с гордою силой происхождения, установив в важнейших делах равнозначность двадцати восьми старейшин и царской власти. Третий же спаситель вашего государства, видя, что оно все еще вздымается и раз'яряется, набросил на него как бы узду в виде власти эфоров, учрежденной в роде выборной по жребию⁵⁵. По этой-то причине царская власть у вас, так как она возникла из соединения необходимых элементов, и была умеренна, и сама сохранилась, и для других явилась спасительной. Между тем, при Темене, Кресфонте и тогдашних законодателях, кто бы они ни были, даже и удел Аристодема⁵⁶ не был бы сохранен, ибо они были недостаточно сведущи в законодательстве: иначе они не сочли бы возможным путем клятв сделать умеренной молодую душу, получившую такую власть, что из нее могла возникнуть тирания. Ныне же бог указал, какую и раньше, и теперь должна быть постоянно пребывающая власть. Как я указал выше, ничего мудреного нет, если мы теперь знаем это: нетрудно усмотреть пример из прошлого. Но если бы кто мог это тогда предвидеть и был в состоянии сделать власть более умеренной и единой, вместо тройственной, он спас бы все прекрасное, что тогда было придумано, да и никогда бы не двинулось ни персидское, ни какое иное войско против Эллады и не отнеслось бы к нам презрительно, как к мало достойным людям.

Клиний. Ты верно говоришь.

Афинянин. Эллины постыдно отразили их, Клиний. Не потому постыдно, будто тогда не было одержано прекрасных побед в сухопутных и морских сражениях, но, полагаю, вот почему постыдно: во-первых, из тех трех государств, лишь одно сражалось за Элладу, остальные же два настолько низко пали, что одно из них и Лакедемону препятствовало сражаться, ведя изо всех сил войну с ним, другое же, именно Аргос, первенствующее при тогдашнем разделе, не повиновалось призыву итти против варваров и не пошло. Много можно было бы привести примеров из тогдашней войны, которые вовсе не благовидны для Эллады. Даже было бы неверно утверждать, что Эллада защитила себя. Если бы афиняне и лакедемоняне, следуя общему плану, не отразили надвигавшегося рабства, уже почти смешались бы между собою все эллинские племена, да и варварские с эллинскими, подобно тому как эллины, находящиеся теперь под властью персов, живут скверно, в рассеянии: их то раз'единяют, то соединяют.

Вот в чем, Клиний и Мегилл, можем мы упрекнуть тех давних, так называемых, государственных людей и законодателей, равно как и нынешних. Вскрывая причины их неудач, мы станем отыскивать, что же надо делать вместо этого. Да, например, то, что мы сейчас сказали: не надо устанавливать законами великих и несмешанных властей, принимая во внимание, что государство должно быть свободным, разумным и дорогим самому себе; законодатель должен давать законы, имея в виду именно это. Не станем удивляться тому, что мы уже нередко, выдвинув какое-либо положение, утверждаем, что его-то и должен иметь в виду законодатель в своем законодательстве, а между тем у нас каждый раз как будто бы оказываются всё различные положения. Надо принять в расчет следующее: когда мы утверждаем, что должно иметь в виду— здравомыслие, или разумность, или дружбу, то ведь это не разные точки зрения, но всё одна и та же. Поэтому не будем смущаться, пользуясь многими подобного рода обозначениями.

Клиний. Попытаемся поступить так, а теперь вернемся к нашему обсуждению. Поведай нам о дружбе, разумности и свободе, которые, по твоим словам, должны быть целью законодателя.

Афинянин. Слушай же! Есть два, как бы материнских, вида государственного устройства, от которых по праву, можно сказать, родились остальные виды. Было бы правильно указать на монархию, как на первый из них, и на демократию, как на второй. Монархия достигла высшего развития у персов, демократия у нас. Почти все остальные виды государственного устройства, как я сказал, представляют пестрые соединения этих двух. Чтобы были свобода и дружба в соединении с разумностью, неизбежно надо быть причастным и к тому и к другому виду. Этого требует наше рассуждение, утверждающее, что государство, непричастное к ним, не может иметь хорошего государственного строя. Е

Клиний. Конечно.

Афинянин. Персы более, чем было должно, полюбили монархическое начало, афиняне — свободу; вот почему ни у тех, ни у других нет умеренности. В лаконском и критском государственном устройстве более умеренности; у афинян и у персов в старину тоже так было, теперь же в меньшей степени. Причины этого мы разобрали. Не так ли? 694

Клиний. Вполне, если только доведем до конца наше задание.

Афинянин. Итак, внимание! Персы при Кире держались умеренной середины между рабством и свободой. И стали сперва сами свободными, а затем и господами над многими другими ⁵⁷. Но, будучи правителями, они уделяли подчиненным участие в свободе и относились к ним, как к равным, так что войны были в большой дружбе с начальниками и охотно шли на опасности. Если кто из них был разумен и мог подать совет, царь не завидовал, но предоставлял свободу слова и ценил тех, кто мог быть советчиками; он давал им общую возможность публично проявлять свою разумность, и в ту пору все удавалось персам, вследствие свободы, дружбы и разумного общения. В

Клиний. Повидимому, было так, как ты говоришь.

Афинянин. Почему же это погибло при Камбисе и снова почти возродилось при Дарии ⁵⁸? Если хотите, прибегнем в наших рассуждениях к своего рода угадыванию? С

Клиний. Да, если это ведет наше рассмотрение к той цели, которую мы себе поставили.

Афинянин. Я угадываю относительно Кира, что, в общем, он был хорошим полководцем и любил свое государство, но совершенно не получил правильного образования и не проявил разума, как домохозяин.

Клиний. Можно ли это утверждать?

Д Афинянин. Повидимому, он с юности и в продолжение всей своей жизни был в военных походах, воспитание же своих детей поручил женщинам. А те воспитали их, точно счастливых и блаженных уже с детства и ни в чем не нуждающихся. Но так как для них встречались некоторые затруднения, то эти женщины принуждали всех ни в чем не противоречить детям—точно эти дети вполне счастливы,—но восхвалять все их слова и поступки. Вот какими они их воспитали.

Клиний. Прекрасное, повидимому, воспитание!

Е Афинянин. Это женское воспитание, так как в виду недостатка мужчин, занятых войной и многими опасностями, воспитывали детей женщины царского рода, недавно разбогатевшие.

Клиний. Это имеет свое основание.

695 Афинянин. Отец приобрел для них много стад мелкого и крупного скота, толпы людей и много другого. Однако, он не знал, что те, кому он намеревался передать это, получают воспитание не на отечественный, персидский лад. Ведь персы—пастухи, дети скалистой страны; поэтому и воспитание их суровое, могущее создать очень сильных пастухов, способных жить под открытым небом, бодрствовать и, в случае нужды, нести военную службу. Между тем, Кир допустил, чтобы его сыновья были воспитаны женщинами и евнухами на гибельный, называемый счастливым, мидийский лад, вследствие чего они стали такими, какими и должны были стать при этом, лишенном наказаний, воспитании. После смерти Кира власть перешла к его сыновьям, преисполненным неги и ненасытности. Из них сперва один убил другого, не желая терпеть себе равного, затем и сам, безумствуя под влиянием пьянства и невоспитанности, потерял свою власть из-за мидян и, так называемого, евнуха, который презирал Камбиса за его глупость⁵⁹.

Клиний. Да, так рассказывают об этом, и, повидимому, с все было именно как-то так.

Афинянин. Говорят, что власть снова перешла к персам, благодаря Дарию и семи⁶⁰.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Рассмотрим это последовательно в нашем суждении. Ведь Дарий не был сыном царя и не изнеженное получил он воспитание. Встав у власти и получив ее, как один из семи, он разделил государство на семь частей, от которых кое-что, точно сновидение, осталось до наших дней; он установил законы, введя некое общее равенство; он обусловил законом Кирову дань, которую тот обещал персам; он дружелюбно общался со всеми персами, привлекая персидский народ деньгами и подарками. Поэтому войска охотно приобрели для него дополнительно не меньше земель, чем оставил Кир. После Дария Ксеркс был снова воспитан на царский, изнеженный, лад. „Ах, Дарий, Дарий“, по праву, пожалуй, можно было бы сказать: „как это ты не понял беды Кира и воспитал Ксеркса в тех же нравах, что Кир—Камбиса“. Так как Ксеркс вырос в тех же условиях воспитания, что и Камбис, он, по своим качествам, близко подходил к нему. Приблизительно с этого времени у персов уже не бывало на самом деле великого царя, а был он только по имени⁶¹. По моему мнению, причина здесь не в судьбе, но в дурном образе жизни, какой ведут по большей части дети особо богатых людей и тиранов. Под влиянием такого воспитания стать выдающимся, в смысле добродетели, никогда нельзя: ни в детстве, ни в зрелом возрасте, ни в старости. На это-то, утверждаем мы, и должен обратить внимание законодатель, а также и мы теперь в нашей беседе. Надо отдать справедливость вашему государству, лакедемоняне: вы ни частному, ни царскому богатству или бедности не уделяете особых почестей и особых условий воспитания, кроме тех, которые установил изначально у вас божественный законодатель, по прорицаниям некоего бога. Ибо в государстве не должны существовать чрезмерные почести только за то, что такой-то отличается богатством, быстротой, красотой, силой, если все это не сопровождается какой-либо добродетелью, даже если и есть добродетель, но нет здравомыслия.

Мегилл. Как это ты говоришь, чужестранец?

Афинянин. Мужество не есть ли часть добродетели?

Мегилл. Как же иначе?

Афинянин. Так выслушай же мое слово и сам рассуди: хотел бы ты иметь сожителем или соседом человека очень мужественного, но нездравомыслящего и необузданного?

с Мегилл. Боже избави!

Афинянин. Ну, а ремесленника, мудрого в каком-либо искусстве, но несправедливого?

Мегилл. никоим образом.

Афинянин. Но ведь справедливость не встречается отдельно от здравомыслия?

Мегилл. Конечно, нет.

Афинянин. А так же и описанный нами ранее мудрый человек, чьи наслаждения и скорби согласуются с надлежащими принципами и их следствиями?

Мегилл. Да.

д Афинянин. В связи с вопросом о правильности воздаваемых в каждом отдельном случае в государствах почестей, рассмотрим еще и вот что—

Мегилл. Что именно?

Афинянин. Здравомыслие, без всей остальной добродетели, одно только пребывающее в душе, каким по праву является, ценным или неценным?

Мегилл. Не знаю, как сказать.

Афинянин. Это удачный ответ, ибо что бы ты ни сказал на мой вопрос, все, по моему мнению, было бы невпопад.

Мегилл. Значит, это вышло к лучшему.

Афинянин. Отлично. Ведь то, прибавление чего обусловливает ценность, достойно не слова, но скорее некоего бессловесного молчания.

Мегилл. Мне кажется, ты говоришь о здравомыслии?

Афинянин. Да, из остального самым правильным будет выше всего ценить то, что с этим прибавлением приносит нам наибольшую пользу; а то, что приносит меньше пользы, ставить на втором месте, и так далее, т. е. чтобы ценность соответствовала этому основанию.

Мегилл. Действительно, это так.

Афинянин. Что же? Это различие не входит ли в задачу законодателя?

Мегилл. Вполне.

Афинянин. Согласен ли ты предоставить ему в каждом деле, даже в мелочах, это различие? Или, так как и мы ревнуем о законах, то не попытаться ли и нам произвести тройкое разграничение, отдельно выделив самое важное, затем стоящее на втором и на третьем месте?

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Итак, мы утверждаем, что государство, намеревающееся сохранить свое существование и, по мере человеческих сил, быть счастливым, должно неизбежно правильно разграничить ценное и неценное. Но самым ценным правильно являются прежде всего блага, относящиеся к душе, если есть в ней здравомыслие, затем благопристойность, относящаяся к телу и, в-третьих, так называемые блага, относящиеся к имуществу и достатку. Если какой-нибудь законодатель или государство выйдет за пределы этого, оценив более достаток или поместив выше, в смысле ценности, что-либо из низшего, он совершит дело и нечестивое, и негосударственное. Согласны мы с этим, или нет?

Мегилл. Конечно, согласны!

Афинянин. Несколько более распространиться об этом заставило нас рассмотрение персидского государственного устройства. Мы видим, что оно с каждым годом⁶² становится все хуже. Причина же заключается в том, что персы чрезмерно лишили народ свободы и более, чем следует, увеличили деспотизм, так что в их государстве погибла общность и дружба. С их уничтожением совет правителей в своих совещаниях имеет в виду не благо подданных и народа, но только свою собственную власть. Если они находят хотя бы малейшую выгоду для себя, они разрушают города и огнем опустошают даже дружественные племена; они относятся к подчиненным враждебно и с беспощадною ненавистью; поэтому-то все их и ненавидят. Когда случится надобность, чтобы народы сражались за них, они не встречают никакой готовности сообща подвер-

Е гаться опасностям и сражаться, так что все их неисчислимые полчища негодны для войны. И вот, точно у них недостаток людей, нанимают они наемников и думают найти спасение при помощи их и чужеземных воинов. К тому же они вынуждены обнаруживать свое неведение, своими поступками выказывая, что признаваемое ценным и прекрасным в государстве является всегда пустяком в сравнении с золотом и серебром.

Мегилл. Совершенно верно.

14

Афинянин. Этим можно заключить наше доказательство, что у персов теперь все устроено неправильно, вследствие чрезмерного рабства и деспотизма.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Теперь нам нужно, после этого, точно так же в разобрать аттическое государственное устройство, чтобы показать, что совершенная свобода от всякой власти гораздо хуже умеренной власти, ограниченной другими учреждениями. Во времена персидского нашествия на эллинов и чуть ли ни на все племена, живущие в Европе, у нас еще существовал древний государственный строй, где правительственные должности соответствовали четырем классам⁶³; была у нас владицицей некая совестливость, благодаря которой мы охотно жили в подчинении тогдашним законам. К тому же величина персидского войска и флота навела на нас безысходный страх; мы еще более с рабски подчинялись властям и законам, а вследствие всего этого напала на нас немалая взаимная дружба. Ибо почти за десять лет до Саламинской битвы прибыл персидский флот во главе с Датисом, которого Дарий послал определенно против афинян и эретрийцев, чтобы их поработить, при чем угрожал ему смертью за невыполнение приказания. Датис, при помощи D многочисленного войска, в короткое время совершенно завладел Эретрией, а в наше государство пустил страшную весть, будто ни один эретриец не избежал его, так как солдаты Датиса, взявшись за руки, окружили сетью всю Эретрию. Это

известие, верное или нет, откуда бы оно ни исходило, поразило остальных эллинов, в том числе и афинян. Они разослали во все стороны гонцов, но никто не хотел оказать помощи, кроме лакедемонян. Помешала ли им тогдашняя их война с Мессеной или что другое, этого мы не знаем, но они пришли на один день позже Марафонской битвы. После этого получилось известие о больших приготовлениях и тысячах угроз со стороны царя; однако, через некоторое время стало известно, что Дарий умер, власть же перешла к его молодому, сильному сыну, который вовсе не думал прекратить предприятие. Афиняне полагали, что все это готовится именно против них, как следствие Марафонской битвы. Узнав, что уже прорывают Афон⁶⁴, а через Геллеспонт наводят мост, услышав о множестве судов, они решили, что им нет спасения ни на суше, ни на море, и что никто им не поможет; ведь они помнили, что во время первого нашествия и эретрийских событий никто им не помог и не захотел подвергаться опасности быть их союзником. То же самое, ожидали они, постигнет их на суше; в свою очередь и на море было очень затруднительно, как они видели, найти спасение, потому что там находилось более тысячи судов. Оставалась у них лишь одна надежда на спасение, слабая и трудная, но единственная: обратив внимание на предшествовавшие события, они заметили, что, сражаясь, даже и при трудных обстоятельствах, они победили. Опираясь на эту надежду, обрели они себе прибежище только в самих себе и в богах. Это все внушило им взаимную дружбу. Господствовавший тогда страх, возникший под влиянием бывших ранее законов, заставлял подчиняться установленным ранее законам. Мы в предшествовавших рассуждениях нередко называли этот страх совестью. Мы утверждаем, что ей должны служить те, кто намерен быть счастливым. Боящийся ее свободен и бесстрашен. Кого тогда не охватил бы этот страх, тот не собрался бы с духом и не дал бы отпора, не защитил бы святынь, могил, родины, своих домашних и друзей, не пришел бы им на помощь, но каждый из нас был бы рассеян поодиночке и разбросан, кто здесь, кто там.

Мегилл. Чужестранец, ты говоришь совершенно правильно и достойно самого себя и своей родины.

Афинянин. Так обстоит дело, Мегилл. События того времени можно по праву излагать перед тобой, так как ты одной природы с твоими отцами. Посмотри же, вместе с Клинием, имеет ли то, о чем мы говорили, некоторое отношение к законодательству. Ибо я распространяюсь об этом не для того, чтобы только говорить, но ради предмета нашего собеседования. Ведь и вы это видите. Каким-то образом мы, афиняне, оказались в том же положении, что и персы, хотя те ведут народ ко всяческому порабощению, мы же, наоборот, направляем широкие толпы ко всяческой свободе. Какой же отсюда вывод? Наши предшествующие рассуждения в известном отношении прекрасно высказаны.

700 Мегилл. Хорошо сказано, но попытайся еще яснее изложить нам свои слова.

Афинянин. Пусть будет так. Друзья мои, когда были в силе наши древние законы, народ ни над чем не владычествовал, но как-то добровольно подчинялся законам.

Мегилл. Каким законам?

Афинянин. Прежде всего тогдашним законам относительно мусического искусства, если уж разбирать с самого начала возникновение слишком свободной жизни. Тогда у нас в мусическое искусство различалось по его видам и формам. Один вид песнопений составляли молитвы к богам, называемые гимнами⁶⁵; противоположность составлял другой вид песнопений, их по большей части называют френами⁶⁶; затем—пэаны⁶⁷ и, наконец, дифирамбы, уже своим названием намекающие, как я думаю, на рождение Диониса⁶⁸. Как какой-то особый вид песнопений, их называли законами⁶⁹; точнее их обозначали: кифародические законы. После того, как это и кое-что другое было установлено, не дозволено было злоупотреблять, обращая с один вид песен в другой. Распознать же их влияние, а вместе с тем судить о том, знает ли кто в этом толк, наконец, наказывать неповинующегося—это было делом не свистков и нестройных криков толпы, как теперь. И не рукоплесканиями воздавали хвалу, но было постановлено, чтобы занимающиеся воспитанием выслушивали их в молчании до конца; детям же,

их руководителям и большинству народа давалось вразумление при помощи упорядочивающего жезла. При таком устройстве, и большинство граждан желало повиноваться и не осмеливалось высказывать шумом своего суждения. После этого, с течением времени, зачинщиками нестройного беззакония стали поэты, одаренные по природе, но не сведущие в том, что в Музах справедливо и законно. В вакхическом восторге, более должного одержимые наслаждением, смешивали они френы с гимнами, пэаны с дифирамбами, на кифарах подражали флейтам, всё соединяли вместе; невольно, по неразумию, извратили они мусическое искусство, точно оно не содержало никакой правильности, и будто бы мерилom в нем служит только наслаждение, испытываемое тем, кто получает удовольствие, независимо от его собственных качеств. Сочиняя такие творения, излагая подобные учения, они внушили большинству беззаконие по отношению к мусическому искусству и отвагу считать себя достойными иметь суждение. Поэтому-то театры, прежде безгласные, стали оглашаться шумом, точно зрители понимали, что прекрасно в музах, а что нет; и вместо господства лучших наступило в театрах какое-то скверное господство зрителей. Если бы при этом здесь возникло народное господство только свободных людей, то еще не было бы ничего слишком страшного. Но теперь с мусического искусства началось у нас всеобщее мудрое самомнение и беззаконие, а за этим последовала свобода. Стали все бесстрашны, точно знатоки; безбоязненность же породила бесстыдство. Ибо дерзко не страшиться мнения лучшего человека—это, пожалуй, худшее бесстыдство и следствие чересчур далеко зашедшей свободы. Мегилл. Совершенно верно.

16

Афинянин. За этой свободой последовало нежелание подчиняться правителям, затем стали избегать подчинения отцу с матерью, старшим и их вразумлениям, а, в конце концов, появилось и стремление не слушаться законов. Достигнув этого предела, уже не обращают внимания на клятвы, договоры и даже на богов; выказывают, так называемую, древнюю титани-

ческую природу; в своем подражании титанам ⁷⁰ снова возвращаются к прежнему состоянию и ведут тяжелую жизнь, преисполненную бедствий. Однако, ради чего это нами сказано? Мне кажется, наше рассуждение нужно иной раз осаживать, точно коня: иначе нас понесет необузданность речи. Нам ^D надо, по пословице, не упустить из рук того, что мы имеем ⁷¹. Вот почему я задаю этот вопрос: ради чего это сказано?

Мегилл. Прекрасно.

Афинянин. Это сказано ради вот чего—

Мегилл. Ради чего?

Афинянин. Мы сказали, что законодатель должен иметь в виду тройкую цель: чтобы устрояемое государство было свободным, дружелюбным внутри себя и обладало разумом. Так было сказано, не правда ли?

Мегилл. Совершенно верно.

^E Афинянин. Ради этого мы выбрали самый деспотический и самый свободный государственный строй. Посмотрим же теперь, какой из них правильно устроен. Если установить и там и тут некоторую умеренность, в одном из них ограничить власть, в другом свободу, тогда в них наступит, как мы видели, особенное благополучие; если же довести до последнего предела рабство или свободу, то получается вред и в первом, и во втором случае.

⁷⁰² Мегилл. Вполне правильно.

Афинянин. Ради этого мы рассмотрели устройство дорийского войска, поселение Дардана на предгорьях, поселения приморские, так же как и первых людей, оставшихся от той катастрофы; к этому же клонились предыдущие наши рассуждения о мусическом искусстве, об опьянении и все предшествующее. Все это сказано ради рассмотрения вопроса о том, каким образом лучше всего устроить государство и каким ^B образом частному человеку лучше всего проводить свою жизнь. Как можем мы себе доказать, Мегилл и Клиний, что мы поступили дельно?

^C Клиний. Мне кажется, чужестранец, у меня есть такое доказательство. Все эти рассуждения, что мы вели, возникли у нас, повидимому, кстати. Ведь мне они сейчас необходимы, и я очень удачно встретил тебя и Мегилла. Не скрою от вас

обоих случившегося со мною; нашу встречу я считаю счастливым предзнаменованием. Большая часть Крита задумала основать колонию и поручила кносийцам попечение об этом деле; город же кносийцев передал это дело мне и девяти другим лицам. Мы уполномочены устанавливать законы, здешние, если некоторые из них нам нравятся, и чужестранные, если они кажутся лучше, не обращая никакого внимания на их иностранное происхождение. Воспользуемся же вместе—и вы, и я—этим позволением. Выбрав из уже сказанного, построим, в беседе нашей, государство, устраивая его как бы с начала. Мы будем рассматривать занимающий нас вопрос, а вместе с тем возможно, что и я воспользуюсь этим построением для будущего государства.

Афинянин. Не войну ты возвещаешь, Клиний!⁷² Если только Мегилл не против, я готов предоставить в твоё распоряжение все, что у меня есть: и силы, и разумение.

Клиний. Отлично.

Мегилл. Я также предоставляю все, что у меня есть!

Клиний. Прекрасно сказали вы оба! Однако попробуем, е сначала словесно, устроить наше государство.